

М. А. Петровских

«ВОЙ, ТРУС И ЗУБОВ СКРЕЖЕТАНЬЕ»: РЕЦЕПЦИЯ
РОМАНА А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ»
И ПОЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ 1860-Х ГГ.

Резюме

Статья посвящена анализу скандала, вызванного публикацией романа А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» («Русский вестник», 1863), на страницах которого изображены реалии 1830–1860-х гг. С опорой на теорию литературного поля П. Бурдьё классифицированы статьи критиков различных направлений с точки зрения их видения литературного поля как гетерономного или автономного. Представители «автономного» взгляда обвиняли Писемского в том, что предметом изображения в его романе стала современная эпоха, а представители «гетерономного» — в том, что действительность в его романе показана неверно. В том, как Писемский описывает главных героев и использует прием металеписа — вводит персонажа по фамилии Писемский в текст романа, — проявляется стратегия Писемского, пытающегося, с одной стороны, безучастно описать действительность, а с другой — высказать суждение о ней и поучаствовать в литературной полемике. Рассмотрев «Взбаламученное море» как высказывание, неразрывно связанное с позицией «Русского вестника», можно найти объяснение неоднозначной реакции критиков на произведение как попытку определить его место в трансформирующемся литературном поле 60-х гг.

Ключевые слова: литературная критика, А. Ф. Писемский, «Взбаламученное море», теория литературного поля Пьера Бурдьё, история русского романа, фельетон, А. А. Григорьев

"HOWL, QUAKE, AND GNASHING OF TEETH":
RECEPTION OF ALEXEI PISEMSKII'S NOVEL
TROUBLED SEAS
AND THE RUSSIAN LITERARY FIELD OF THE 1860S

Abstract

This article analyzes the controversy surrounding Alexei Pisemskii's novel *Vzbalamuchennoe more* (Troubled Seas), published in *Russkii vestnik* journal in 1863. The study focuses on critical responses to the novel and Pisemskii's depiction of contemporary Russia. In order to gauge the expectations with regard to this novel, the study juxtaposes initial reviews of the yet unfinished text with those that came out after its completion. I use Pierre Bourdieu's literary field theory to categorize the critics' responses as either "autonomous" or "heteronomous." This approach brings to the fore the contrasting views on the novel's portrayal of contemporary Russia. The article delves into the author's depiction of literary life in the 1860s in the novel and examines how Pisemskii uses metalepsis by introducing the character "Pisemskii" into his text as a means of both portraying reality and expressing judgment. The article argues that Pisemskii's strategy and the discourse around his novel were intricately linked to the public stance of the journal *Russkii vestnik*. The ambivalent reactions to the novel reflected the ongoing transformation of Russian literary landscape in the 1860s.

Keywords: literary criticism, Alexei Pisemskii, Troubled Seas, Pierre Bourdieu's literary field theory, feuilleton, history of Russian novel, Apollon Grigorev

DOI 10.31860/2712-7591-2024-3-127-136

Роман А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» был впервые опубликован в журнале «Русский вестник» в 1863 г. и стал заметным событием в литературной жизни: его появление закончилось литературным скандалом¹. Однако единодушие, с каким роман обругали критики самых разных направлений, показывает, что публикация «Взбаламученного моря» не просто вызвала недовольство того или иного критика, но нарушила нормы литературной этики своего времени.

Различные подходы критиков к роману отражают структуру поля литературы в 1860-е гг. П. Бурдьё предлагал выделять автономный и гетерономный принципы организации поля [Бурдьё]. Критиков «Взбаламученного моря» можно условно разделить на сторонников автономии и гетерономии: одни судят о романе в первую очередь в соответствии с внутрилитературными эстетическими критериями, а другие, напротив, отрицают их значение

¹ Подробнее о значимости понятия «скандал» в творчестве Писемского см.: [Пенская].

и оценивают это произведение с учетом внелитературных факторов. Благодаря такому разделению можно заметить, что критики, различающиеся по своим эстетическим взглядам, видят структуру поля литературы похожим образом, что отражается и в их оценке романа Писемского. Чтобы проследить это размежевание, мы обратимся к хронологии публикации газетных и журнальных отзывов и к тому, какие эстетические и социальные категории значимы для авторов статей и какие приемы они используют для анализа романа. Также мы рассмотрим, как реакция на это произведение может быть связана с изображением журнальной и литературной сферы в тексте «Взбаламученного моря».

Не менее значимым кажется и то, как литературную сферу видит сам Писемский и как изображает ее в романе. Чтобы реконструировать это, мы обратимся к пятой части «Взбаламученного моря», в которой дискуссии о литературном процессе ведут не только уже знакомые читателю герои романа, но и его автор — «Писемский».

Еще до публикации романа литературная репутация Писемского была довольно неустойчивой. Если в конце 50-х гг. его ставили в один ряд с Тургеневым и Гончаровым [Писарев], то в начале 60-х ситуация изменилась: с выходом в свет в редактируемой Писемским «Библиотеке для чтения» «Записок Салатушки» и «Фельетонов Никиты Безрылова» писатель стал объектом резкой критики со стороны радикально-демократических изданий. Вскоре после этого Писемский, расставшись с редакторством «Библиотеки для чтения», принялся за написание «Взбаламученного моря».

«Роман этот есть дело всей моей жизни: худо ли, хорошо ли он выйдет, но мне уж лучше и сильнее не написать. (...) Про роман говорят, кто слышал, что очень хорош» [Писемский 1936, с. 153] — признавался Писемский в письме Б. Н. Алмазову 15 ноября 1862 г. И действительно, в основное время работы над романом — с лета 1862 до первых месяцев 1863 г. — автор мог знать, что «Взбаламученное море» ждут в печати. П. В. Анненков положительно характеризовал ненапечатанные фрагменты в письме Тургеневу от 14 декабря 1862 г., говоря, что роман «полон, ярк, изобилует типами и катится свободно, как волна»; «вещь сильная» [Анненков 2005, с. 130]. Тургенев в письме тому же Анненкову 20 декабря 1862 г. утверждал, что жаждет прочесть роман Писемского, а через несколько месяцев, получив первые главы романа, отзывался о них похвально: «Живо, сильно, бойко» [Тургенев, с. 136].

Первые части романа, в которых описывалось провинциальное дворянство 1830-х гг., появились в № 3–4 «Русского вестника». В переписке писателей оценка их оставалась положительной: например, В. П. Боткин

в письме Тургеневу 17 июля 1863 г. утверждал: «Роман Писемского пока хорош, исключая студентских сцен в 2-й части» [В. П. Боткин и И. С. Тургенев, с. 182]. Однако ситуация быстро изменилась.

Особенно показателен цикл статей А. А. Григорьева, которые он публиковал от лица редакции в журнале «Якорь» летом 1863 г., отдельно разбирая каждую часть романа. Описав все предыдущие литературные успехи Писемского, автор переходил к «Взбаламученному морю» и отмечал как достоинство то, что «лица твердо стоят на ногах», а «обстановка обрисована широкими художественными чертами» [Григорьев, № 19, с. 365]. Однако в очередной статье цикла Григорьев, дочитавший первую часть романа, отказался от роли «холодного и простого рассказчика», чтобы «сказать нашу личную правду»² [Григорьев, № 20, с. 388]: в романе заметна «взятая наперед» задача — «осмеять и опозорить все то, что былая, недавняя эпоха назвала „развитием“» [Там же, с. 389]. В то же время заключение Григорьева осталось неоднозначным. С одной стороны, он отметил художественные достоинства романа: «Кто из беллетристов в частности возвышался до такой художественности, как Писемский?» [Григорьев, № 21, с. 409]. С другой стороны, Григорьев осуждал Писемского за политическую ангажированность и связанную с ней эстетическую ограниченность: он «беллетрист и ничего более», выбравший «реакционную» задачу [Там же]. По мнению Григорьева, Писемский, критически изображающий «развитие», по сути становится радикальным отрицателем, достойным своих оппонентов: «ратуя против нигилистов, в сущности служит им и их делу как раб» [Там же, с. 410]. В финальных опубликованных статьях Григорьев возвращается к уже прочитанной первой части, анализируя ее, вновь хвалит за мастерство изображения губернской жизни и силу юмора, но после оставляет цикл статей неоконченным.

В целом Григорьев был сторонником принципа автономии литературы и самостоятельной ценности эстетического начала. Однако по мере выхода частей романа Григорьев меняет принципы его оценки. Главы, в которых описывалась губернская жизнь прошлого, он оценивал по «эстетическим» критериям как вполне удавшиеся. Однако после публикации намного более злободневных частей произведения, посвященных современности, он стал рассматривать роман уже не как автономное явление, относящееся к миру литературы, а в связи с политическими и общественными идеями автора. Интересным образом Григорьев оказался близок к своим эстетическим

² Ценный для нас «спонтанный» переход от «эстетической» критики к «личной правде» в целом вписывается в развитие стиля Григорьева в его поздней критике [Егоров, с. 41–44].

и политическим оппонентам — радикально-демократическим критикам. Как показывают следующие отзывы, другие критики во многом рассуждали схожим образом.

В июле и августе 1863 г. были опубликованы последние части «Взбаламученного моря», в которых герои изображались на фоне современных реалий. Если в письмах единомышленников Писемского мы видим непонимание происходящего³, в статье Григорьева — различную оценку разных фрагментов текста, то в последующей критике разразился скандал, показывающий, что роман нарушил базовые конвенции литературы своего времени.

Статья «„Взбаламученное море“. Роман А. Писемского» Е. Н. Эдельсона появилась в «Библиотеке для чтения» в ноябре и декабре 1863 г. Основной упрек Эдельсона заключается в том, что произведению Писемского не хватает «художественности», «типичности» образов, а процесс отражения действительности становится слишком «прямым», поэтому роман направлен на обличение и это позволяет критику ставить писателя «на арену публициста» [Эдельсон, с. 12]. Таким образом, Эдельсон, оценивающий «Взбаламученное море» по критериям эстетическим и видящий поле литературы автономным, вывел роман за пределы литературного поля, а обличителя-Писемского отнес к публицистам.

К сторонникам автономной иерархизации поля относится и П. В. Анненков. В статье для газеты «Санкт-Петербургские ведомости» он отмечал как талант автора, так и его ошибки: Писемский «саркастически и беспощадно» описывал «недавние, так сказать, еще не остывшие периоды их жизни» [Анненков 1863, с. 1118], и поэтому роман «не замкнут в необходимые и естественные для него границы» [Там же, с. 1117]. Так, Анненков отказался называть Писемского романистом и посчитал, что он относится к изображаемой им исторической действительности «скорее как к полемике, чем как художник или мыслитель» [Там же, с. 1118]. Анненков определил его произведение как «полемический роман». Логика критика оказывается во многом близка к позиции Эдельсона: для обоих автор романа был столь ангажирован, что его произведение не укладывалось в границы литературы.

Другие авторы заняли промежуточную позицию между полюсами гетерономии и автономии. Например, анонимный рецензент газеты «Сын отечества» назвал главным недостатком «Взбаламученного моря» попытку коснуться «явлений еще живущих, явлений минуты, к которой нельзя еще отнести объективно» [Сын отечества, с. 2204]. В итоге Писемский

³ Например, Тургенев в письме Анненкову 15 сентября 1863 г. осведомляется у него: «Что такое роман Писемского?» [Тургенев, с. 208].

описал «всю пошлость житейскую», но для этого хватило бы и «простого фельетона», поскольку в них никто и не ищет изображение направления целого общества. Как и сторонники «автономного» подхода, критик отказывается воспринимать «фельетонный» роман как часть литературы.

На отзыв Григорьева очень похожа статья А. П. Милюкова в газете «Голос», идейно совершенно чуждой Григорьеву. Милюков разделил роман на две части: первую он называл романом, вторую — фельетоном: «Сцены являются случайно, становятся отрывочными, можно сказать — газетными; рассказ принимает художественный, лихорадочный тон, превращается в какие-то бельетрические афоризмы» [Милюков, с. 1254]. Так, по мнению автора, романист превращается в публициста, газетного фельетониста.

Другие отзывы тяготеют к гетерономному полису видения литературного поля. Отдельного упоминания заслуживает посвященная «Взбаламученному морю» статья в «Искре», опубликованная осенью 1863 г. (№ 40). В ней автор сразу же вышел за рамки анализа романа и начал иронизировать над изменением статуса Писемского, который теперь не только «литератор», но и «редактор-публицист» [Искра, с. 557]. Помимо этого, критик иронически признался в зависти к Писемскому — ведь тот вырастил таких публицистов, как Советник Салатушка и Никита Безрылов. Далее текст отзыва строится на противопоставлении первых четырех частей романа, которые «провалились бесследно», и последних, которые «обратили на себя внимание и произвели толки» [Искра, с. 559]. По мнению автора, вторая часть была написана в соавторстве с Салатушкой и Безрыловым: их перу принадлежали главы об эмансипации и прогрессе, от Писемского же остались остроумные названия глав и «галантерейные объяснения с противоположным полом» [Искра, с. 561]. В отличие, например, от Эдельсона, критик «Искры», отмечая «публицистичность» романа, не считал ее саму по себе недостатком: проблемой было не то, что Писемский прямо высказывался о современности, а то, какие именно идеи он выражал.

В. А. Зайцев в статье, опубликованной в ноябре 1863 г. в журнале «Русское слово», обвинил Писемского в отсутствии правдивости и поставил ему в пример роман «Отцы и дети» Тургенева, в котором «Базаров — живой человек» [Зайцев, с. 154]. По этому отзыву можно судить, что поле литературы для Зайцева представляется лишенным автономии, вторичным по отношению к действительности. «Взбаламученное море» и его персонажи воспринимаются критиком по аналогии с живыми людьми, поэтому ключевая для него категория — «правдивость», а персонажи называются живыми.

Писемский, описывая действительность 60-х гг. XIX в. во «Взбаламученном море», не мог оставить без внимания и литературную сферу. Так,

в пятой части романа, в главе «Провинциальные остатки в моем герое»⁴, Бакланов решил издавать «чисто-эстетический» журнал [Писемский 1863, с. 13], а «реальное направление» назвал «грязью» и «салом»⁵ [Там же, с. 16]. И уже вскоре, в главе «Пикник»⁶, герой поменял свои взгляды: «В речах Бакланова начали появляться такого рода серьезные фразы, что покуда самый последний бедняк не сыт, ни один честный богач не должен спать спокойно!» [Там же, с. 24].

Именно в этих главах появляется еще один персонаж — «Писемский». Он помогает Бакланову устроить литературный вечер, заигрывает с Софи и наблюдает за обсуждениями политики и искусства. При этом «Писемский» принципиально не вступает в полемику, иронизирует над намерением Бакланова издавать журнал (но не над его направлением) и умиляется, когда главный герой внезапно становится «публицистом». Но гораздо больше «Писемского» интересует Софи, о чем он не раз доверительно сообщает читателям⁷.

Создавая «Взбаламученное море», Писемский преследовал несколько задач: во-первых, описать состояние литературного общества, изменения в тенденциях литературной критики, набирающие популярность литературные чтения и т. д. Так, рассмотренные главы напоминают читателям фельетоны о литературной жизни со специфической позицией автора, который, с одной стороны, является частью литературного мира, а с другой — организует текст, в котором этот мир описывается. Этим отчасти и объясняется разноплановая реакция на роман.

Во-вторых, Писемский стремился не только описать литературную полемику, но и поучаствовать в ней. Так, можно заметить, что он в художественной форме подтвердил идеи, высказанные Катковым в программной статье «К какой принадлежим мы партии?», опубликованной в первом номере «Русского вестника» за 1862 г. и ставшей отправной точкой для полемики

⁴ Отметим, что это название главы указано именно в журнальном издании; в более поздних главах называется «Бакланов-эстетик».

⁵ Здесь и далее текст приводится по журнальному изданию романа. Вопрос изменений, внесенных Писемским в отдельное издание 1863 г. и последующие публикации, заслуживает самостоятельного рассмотрения.

⁶ Примечательно, что в следующих изданиях глава будет переименована в «Бакланов-публицист».

⁷ Этот прием проанализирован в работе: [Вайсман]. Отмечая его неординарность, исследовательница указывает, что он, с одной стороны, отвечает требованиям реализма, а с другой — создает ощущение нестабильности границы между реальностью и вымыслом и перекликается с одной из главных мыслей романа — о разнице между абстрактными идеями и жизнью [Вайсман, с. 500].

Каткова и Герцена. Это также способствовало тому, что некоторые критики восприняли роман как фельетоны «Русского вестника», а некоторые, уловив полемичность высказывания Писемского, в своих статьях начали дискутировать с автором романа.

Полемика по поводу «Взбаламученного моря» и его автора отражает принципиальные разногласия критиков относительно степени автономии литературы. Несмотря на эти разногласия, критики сошлись в определении места «Взбаламученного моря» и его автора в литературном поле, однако по разным причинам: сторонники автономии, недовольные тем, *как* роман был написан, либо исключали его из поля литературы, либо помещали на периферию; сторонники же гетерономии, осуждавшие Писемского за то, *что* он написал, считали его произведение незрелищным и вредным с общественно-политической точки зрения. Среди приверженцев автономного принципа основным недостатком романа становится его явная ангажированность и участие в злободневной полемике. С точки зрения таких критиков, это противоречит «художественности», а потому роман либо оказывается не соответствующим жанровым конвенциям романа (Эдельсон), либо становится маргинальным для системы литературы «poleмическим романом» (Анненков). Связь «Взбаламученного моря» с журнальным контекстом и ориентация на злободневную современность описывались критиками, особенно занимавшими умеренную позицию, как «фельетонная» природа. «Гетерономные» же критики оценивают исключительно политическую направленность произведения. Для них проблема автора «Взбаламученного моря» не в том, что он пишет не вполне роман, а в том, какие идеи он в этом произведении высказывает. С одной стороны, жанр романа в том виде, в котором он сложился в русской литературе в 1850-е гг., казался неуместным для открытого участия в политической полемике. С другой стороны, отступавшее от принципов этого жанра повествование воспринималось как «нигилистическое». В этом смысле критики были совершенно правы, указывая на нетипичную природу «Взбаламученного моря». Таким образом, Писемский нарушил не столько ожидания конкретного лагеря критиков, сколько в принципе общие литературные конвенции, касающиеся не только «бытования» романа, но и его структуры.

Литература

- Анненков 1863 — Анненков П. В. Взбаламученное море. Роман г. Писемского (Русский вестник. 1863. № 3–8) // Санкт-Петербургские ведомости. 1863. № 250, 9 ноября. С. 1117–1118.
- Анненков 2005 — Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. СПб.: Наука, 2005. Кн. 1: 1852–1874. 536 с.

- В. П. Боткин и И. С. Тургенев — В. П. Боткин и И. С. Тургенев: Неизданная переписка, 1851–1869. М.; Л.: Academia, 1930. 349 с. (Памятники литературного быта).
- Бурдые — *Бурдые П.* Поле литературы // НЛО. 2000. № 45. С. 22–87.
- Вайсман — *Вайсман М.* «Писатель другого пошиба»: Теория и практика литературного реализма в романе А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» (1863) // Русский реализм XIX века: Общество, знание, повествование. М.: НЛО, 2020. С. 476–502.
- Григорьев — *Ред. [Григорьев А. А.]* Взбаламученное море. Роман в шести частях А. Ф. Писемского // Якорь. 1863. № 19. С. 365–366; № 20. С. 386–389; № 21. С. 409–410.
- Егоров — *Егоров Б. Ф.* Аполлон Григорьев — поэт, прозаик, критик // Григорьев А. А. Собр. соч.: В 10 т. СПб.: Росток, 2021. Т. 1: Стихотворения. Поэмы. Переводы поэзии. С. 5–95.
- Зайцев — *Зайцев В. А.* Взбаламученный романист // Зайцев В. А. Избранные сочинения: В 2 т. М.: Изд-во Всесоюз. О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. Т. 1. С. 138–155.
- Искра — Искра. 1863. № 40. С. 557–562.
- Милюков — [*Милюков А. П.*] Взбаламученное море. Роман в шести частях А. Ф. Писемского. (Русский вестник. 1863) // Голос. 1863. № 317, 29 ноября. С. 1253–1254.
- Пенская — *Пенская Е. Н.* «Журнальное безобразие»: анатомия скандала в литературе и журналистике 1850–1860-х годов // Семиотика скандала. М.: Европа, 2008. С. 517–536.
- Писарев — *Писарев Д. И.* Писемский, Тургенев и Гончаров // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. М.: Наука, 2001. Т. 3. С. 229–263.
- Писемский 1863 — *Писемский А. Ф.* Взбаламученное море. Часть пятая // Русский вестник. 1863. Т. 46, № 7. С. 5–86.
- Писемский 1936 — *Писемский А. Ф.* Письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 927 с.
- Сын отечества — Сын отечества. 1863. № 277, 19 ноября. С. 2203–2205.
- Тургенев — *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М.: Наука, 1988. Т. 5: Письма, 1862–1864. 640 с.
- Эдельсон — *Эдельсон Е. Н.* Взбаламученное море. Роман А. Писемского («Русский вестник», № 3–8) // Библиотека для чтения. 1863. № 12. С. 1–21.

References

- Annenkov, P. V. (1863). 'Vzbalamuchennoe more. Roman gospodina Pisemskogo (Russkii vestnik. 1863. № 38)', *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 250, Nov. 9, 1117–1118.
- Annenkov, P. V. (2005). *Pis'ma k I. S. Turgenevu*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 1. 1852–1874, 536 p.
- V. P. Botkin i I. S. Turgenev. *Neizdannaya perepiska, 1851–1869* (1930). Moscow; Leningrad: Academia, 349 p.
- Bourdieu, P. (2000). 'The Literary Field', *Novoe literaturnoe obozrenie*, 45, 22–87.
- Edelson, E. N. (1863). 'Vzbalamuchennoe more. Roman A. Pisemskogo («Russkii vestnik», № 3–8)', *Biiblioteka dlya chteniya*, 12, 1–21.
- Egorov, B. F. (2021). 'Apollon Grigor'ev — poet, prozaik, kritik', in: Grigor'ev, A. A. *Sobranie sochinenii*. Saint Petersburg: Rostok. Vol. 1, 5–95.
- Red. [Grigor'ev, A. A.] (1863). 'Vzbalamuchennoe more. Roman v shesti chastyakh A. F. Pisemskogo', *Yakor'*, 19, 365–366; 20, 386–389; 21, 409–410.

Iskra (1863), 40, 557–562.

[Milyukov, A. P.] (1863). 'Vzbalamuchennoe more. Roman v shesti chastiakh A. F. Pisemskogo. (Russkii vestnik. 1863)', *Golos*, 317, Nov. 29, 1253–1254.

Penskaya, E. N. (2008). '«Zhurnal'noe bezobrazie»: anatomiya skandala v literature i zhurnalistike 1850–1860-kh godov', in: *Semiotika skandala*. Moscow: Evropa, 517–536.

Pisarev, D. I. (2001). 'Pisemskii, Turgenev i Goncharov', in: Pisarev, D. I. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. Moscow: Nauka. Vol. 3, 229–263.

Pisemskii, A. F. (1936). *Pis'ma*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 927 p.

Pisemskii, A. F. (1863). 'Vzbalamuchennoe more. Chast' pyataya', *Russkii vestnik*. Vol. 46, 7, 5–86.

Syn otechestva (1863), 227, November 19, 2203–2205.

Turgenev, I. S. (1988). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem. 30 vols. Pis'ma. 18 vols*. Moscow: Nauka. Vol. 5. Pis'ma, 1862–1864, 640 p.

Vaisman, M. (2020). '«Pisatel' drugogo poshiba»: Teoriya i praktika literaturnogo realizma v romane A. F. Pisemskogo «Vzbalamuchennoe more» (1863)' [An author of a different kind: theory and practice of realism in A. F. Pisemskii's *Troubled seas* (1863)], in: M. Vaysman, A. Vdovin, I. Kliger, K. Ospovat, eds., *Russkii realizm XIX veka. Obshchestvo, znanie, povestvovanie*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 476–502.

Zaitsev, V. A. (1934). 'Vzbalamuchennyi romanist', in: Zaitsev, V. A. *Izbrannye sochineniia*. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoiuznogo obshchestva politikatorzhan i sylnoposelentsev. Vol. 1, 138–155.